

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ В УСЛОВИЯХ “СВОБОДЫ СЛОВА”

Осуществилась вековая мечта российских либералов: брани, кого угодно и что угодно, восхваляя преступников и сатанистов, матерись и заголяйся. Никто протестовать не посмеет, кроме русских национал-патриотов с их маломощными изданиями. Но и на них появилась управа в облике международной фирмы Брода и Ко. Так что опасаться некого.

Многозначное русское слово “сказка” в марксистско-ленинский период нашей истории получила суженное толкование. Это чётко отразилось в словаре С. Ожегова (1972): “Народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях”. Почему только о “вымышленных”? А вот В. Даль, напротив, толковал это слово очень широко и многослойно: “сказание, рассказ”, а также “объявление, весть, оглашение”. Как ново и как интересно это звучит для современного человека! Во времена нашего воровского капитализма русский язык подменяется американизированным жаргоном. Сказки ныне только для малых деток (пока не заменит их Гарри Поттер). Однако мы попытаемся толковать давнее слово “сказка” именно по Далю. Так куда интереснее.

Противоестественное скрещение бесовской “свободы слова” с перепевками народной сказки породило в новейшей русской словесности весьма своеобразные “литературные факты”, последствия которых пока мало заметны. Но только — пока. Мы убеждены, что к ним — к “фактам” — следует присмотреться.

Столичное издательство “Алгоритм” стало одним из самых примечательных по качеству выпускаемых книг. Нет-нет, оно бедное, как и все иные русские издательства, бережет копейки на оформлении, использует газетную бумагу, скупо дает иллюстрации. Однако содержательность, новизна и смелость публикуемых сюжетов, их боевая патриотическая направленность — всё это наилучшего уровня. И с удовольствием отметим, без крикливости и перехлестов, которые подчас портят нужное дело.

Вот летом 2008 года вышли в свет две в высшей степени примечательные книги: Елена Чудинова “Шуты у трона” и Ольга Грейгъ “Красная фурия, или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам”. Автор первой книги лишь недавно публикуется, но уже прославилась и у нас, и за рубежом фантастическим романом “Мечеть Парижской богоматери” (заголовок “знаковый”, ясно раскрывает содержание). Об Ольге Грейгъ никаких подробностей не известно, а твёрдый знак в конце фамилии — это, видимо, авторская прихоть. “Свобода слова” начинается с подписи...

Роднит эти совсем разные по сюжету книги именно в высшей степени свободное обращение с материалом, идёт ли речь об истории или о сугубой современности. Оба автора знают, что нынче нет не только былой цензуры, но и редакторов-то давно сократили, а на отзывы в печати можно не обращать никакого внимания. Спрос на такой товар, как книга, от этого не зависит, а бранные отзывы почитаются порой наилучшей рекламой, чему мы все, к сожалению, свидетели. Раз так, а это именно так, то зачем же сочинителю обременять себя стремлением к какой-то достоверности, жизнеподобию хотя бы? Да зачем он, этот старомодный реализм? Ныне и слово такое позабыто. Главное – продать на книжном рынке. Совсем по формуле Карла Маркса: товар – деньги – товар.

И вот возникла целая стая литературных дельцов, которые открыто и цинично зарабатывают на понижении курса русской словесности. Для тех, кто считается в их кругу “премудрыми”, сочиняют В. Ерофеев, В. Пелевин и В. Сорокин, а для широких масс-“профанов” безостановочно работает конвейер Акуниных-Донцовых-Марининых, который так раскручен, что старик Генри Форд мог бы позавидовать. И все они дружно наплевали на всякую жизненную достоверность, а на историю – тем паче.

Если космополитическая отрасль нашей бывший изящной словесности позволяет себе разнообразные “фэнтези”, и либеральная критика это шумно приветствует, то и в русско-патриотическом кругу тоже попытались применить сходные приёмы. И вот появились книги, имеющие большой читательский успех (особенно у молодёжи), где Геракл и Спартак объявлялись русскими. Множеству физкультурников и болельщиков футбола это поднимает национальное самосознание, а никакому Броду тут не напакоstitь: поди докажи в суде, что Геракл не был русским...

Е. Чудинова и О. Грейг – писательницы не только патриотичные, но и серьёзные. Они не оживляют на своих страницах мифических героев, но к реальности относятся свободно, не сдерживая своего творческого воображения. Преувеличения, полемическая заостренность оценок событий и лиц, а также прямая домысел, возможный в художественном произведении, порой может произвести сильное впечатление на широкого читателя (на него и рассчитаны такие книги). Заметим, что подчас эти преувеличения и домыслы заходят, с нашей точки зрения, за пределы истины, но чётко отметим: обеим нашим авторшам далеко-далеко до разнузданных фантазмагорий Пелевина и, особенно, Сорокина.

Пренебрежение к историческим и жизненным реалиям чревато ошибками, и они, к сожалению, налицо. Вот Е. Чудинова спорит с теми, кто жаждет причислить Ивана Грозного к лику Святых. Согласны, но доказательства в серьёзном споре следует подбирать также серьёзные. А тут на единственный авторитет ссылается автор – на давние сведения скромного историка, ее институтского доцента (так и написано в примечании: “Из лекции. Цитирую по памяти”). Парижская коммуна отнесена к 1870 году, хотя существовала весной 1871-го, а картины импрессионистов Е. Чудинова поместила в Лувре, а не в парижском музее, им отведенном.

О. Грейг оглушает читателя сообщением, что нелюбимый ею Ленин не состоял членом всевластного Политбюро. Но из любого справочника следует, что он состоял там со дня основания Политбюро в марте 1921 года и оставался в его составе до своей кончины. А вот Г. Зиновьев в руководстве Совнаркома как раз не состоял. И тут следует добавить печальное “и т. д.”. Конечно, сказывается упразднение в издательском деле рецензентов, редакторов и даже корректоров, но автор-то в ответе за всё.

Впрочем, исторической точности у обеих писательниц ничуть не больше, чем у многих их нынешних коллег. Гораздо интереснее обратить внимание на размашистые обобщения и преувеличения, которые уже нельзя обозначить старомодным словом “гипербола”. Например, О. Грейг не любит не только Ленина, но всю революционно-разрушительную традицию русской истории. Вот как круто оценивает писательница поколение тех, кто готовил России Февраль и Октябрь 1917-го: “Государственные преступники, романтики и дегенераты, психопаты и простодушные, гомосексуалисты и нигилисты, лесбиянки и убийцы”. Разумеется, что “комиссаров в пыльных шлемах”, революционеров-победителей О. Грейг характеризует ещё более сурово: скопище “разжигателей национальной розни, провокаторов, людей, имеющих физические,

психические и психологические отклонения, авантюристов, бандитов, наивных искателей приключений с садистскими наклонностями”.

О. Грейг вообще настойчиво указывает на психическую ущербность революционных деятелей, даже ссылается на труды русских ученых начала прошлого века. Тут есть о чем поразмыслить. Изучая историю русской революции 1917 года и будучи очевидцем мерзкой контрреволюции 1991–93-го, не могу не отметить, что без психического расстройтва большинства одураченной массы и неприкрытого сатанизма самозванцев-вожаков тут не обошлось. И этот сюжет нуждается в серьезном разбирательстве.

А как же в этой связи автор оценивает свою героиню? Ведь она вступила на революционную стезю с молодых лет и всю жизнь оставалась супругой и помощницей злого Ленина. Нам объясняют так: “молодой русской дворянке Надежде Константиновне Крупской” смолоду, значит, “приходилось вариться в масонском котле”. Осторожное слово “приходилось” означает в данном случае, что вроде бы принудили к тому “русскую дворянку”. Кто же? Новый биограф Крупской дает ответ краткий и не очень определенный. Не раз упоминается в книге некий “Масонский орден”, его агенты и резиденты. Допустим. О масонах у нас теперь публикуют не только старые сплетни, но и новейшие серьезные исследования, так что тема открыта для обсуждения. В какой же из масонских лож оказалась бедная Крупская? Не уточняется – ни имен, ни дат, ни иных сведений не приведено. Что ж, новый литературный жанр поволяет подобное, и не нам, читателям, “управлять песнопевца душой, он высшую силу признал за собой”... Отметим лишь для полноты картины, что не имеется никаких данных о членстве Крупской в масонских ложах.

Е. Чудинова хорошо знает жизнь современной Франции, ценит французскую культуру и традиционную католическую церковь. Она полна горячим сочувствием к коренным гражданам страны, описывает дикие бунты эмигрантской молодежи. Главу “Десятые сутки пылает столица” (о Париже) нельзя читать без душевного волнения. Много страниц посвящено взаимоотношениям христианства и представителей мусульманского мира в нынешней Западной Европе. Известно, что отношения эти напряженные, вызывающие порой острые столкновения. Писательница целиком стоит на стороне христиан-католиков. Это ее гражданское право, но некоторая размахистость суждений и оценок толкает нас, русских читателей, к необходимой осмотрительности. В нынешней России отношения православного большинства населения с мусульманским меньшинством пока, слава Богу, довольно благополучные, хотя темные силы мира пытаются навредить обеим сторонам. Автору боевой и горячей книги также следовало бы проявлять сдержанность при переносе данной темы на нашу почву.

О попытках размыва и разложения традиционного католицизма на Западе Е. Чудинова хорошо знает и пишет с пониманием и сочувствием к традиционной религии. Она высказывает надежду, что европейский католицизм воспримет духом и отразит наваждение протестантов, благословляющих именем Спасителя “супружества” половых извращенцев. Однако и здесь автор, как ему присуще, проявляет чрезмерную размахистость оценок. Например, оценки II Ватиканского собора шестидесятых годов минувшего столетия.

Зато поистине великолепны суждения Е. Чудиновой о потоках современных детективов и псевдоисторических поделок, которые подобно грязевому вулкану заливают нескончаемым потоком несчастного русского читателя. Печатные изделия Д. Донцовой и Б. Акунина она не считает возможным отнести к жанру литературы, даже самой хилой, а к некоему недавно возникшему “словопомолу”, изготовляемому по дешевке в “словомельницах”. Серьезная критика, даже либеральная, от этого потока брезгливо отворачивается, но Е. Чудинова присмотрелась и поделилась с нами своими впечатлениями. Они оказались тягостными.

Вот краткая оценка, которую следует признать итоговой: “Можно было бы долго рассуждать о безграмотности и разнузданной аморальности донцовских текстов, в которых объектом юмора, и это в наши дни, становятся даже террористические акты... Тексты Донцовой излишними знаниями не отягощены: “Иудейки имеют особое телосложение. У них, как правило, поджарый зад и пышный бюст”. Оно, конечно, все иудейки, за редкими исключениями, еврейки, однако бывают они и атеистками, бывают и христианками. Так каким же образом размер бюста зависит от вероисповедания?” (Не можем не доба-

вить, любимец извращенцев всякого рода В. Ерофеев испытывает страсть к таким же подробностям: “У евреек, в отличие, во всяком случае, от русских женщин, есть одна замечательная особенность. У них говорящее влагище... Оно может даже петь, конечно, что-нибудь несложное, какую-нибудь музыкальную фразу из “Подмосковных вечеров”.)

Остроумно и ядовито разбирает Е. Чудинова убогие тексты Б. Акунина, которого раскручивает до небес компания дружков вполне определенного окраса. Прежде всего, как историка нашей России. Его ставят в театрах и показывают по “ихнему” телеку. И писательница четко показывает главную, лишь чуть прикрытую, направленность акунинских сочинений — русофобию. Все персонажи Акунина дружным хором свистят в русоненавистническую дудку. Вот один раз: “Вечная беда России, всё в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и герои”. Вот другой: “Это нестабильная, нелепая страна, впитавшая всё худшее с Запада и Востока”. И так настойчиво: раз, ещё раз, ещё много, много раз...

Ну, что ж, если Акуниным-Донцовым-Ерофеевым и всему их местечковому кругу дозволено пользоваться безграничной “свободой слова”, поносить безнаказанно “эту страну” и её народ и при том восхищаться некоторыми “обстоятельствами” своих любимых героинь, то почему писатели русские не вправе столь же свободно судить и рядить о чём душе угодно, не ограничивая себя в гиперболах и фантазиях? Демократия для всех, а нам как раз внушают сейчас мысль о вреде “двойных стандартов”.

Вот О. Грейг отправляет Крупскую учиться в американский университет. Никогда не пересекала эта русская дворянка Атлантический океан, ни в Северной, ни в Южной Америке не бывала. Но разве мы имеем право ограничивать авторскую свободу творчества? Это же пахивает культом личности, тридцать седьмым годом... Нет уж, оставьте.

Итак, в начале XXI столетия наши читатели узнали, что супругу Ленина пестовал Масонский орден, что Геракл был русским, а на II Ватиканском соборе свистел шабаш. Кто возьмётся опровергнуть?

А Геракл, пожалуй, и вправду был русаком. Постоянно вот носил с собой увесистую дубину. “Эй, дубинушка, ухнем!”

С. Н. Семанову — 75 лет!

Стремительно мчится время! Кажется, совсем недавно мы поздравляли Сергея Николаевича с 70-летием — и вот, пожалуйста, свалите и обнимайте снова.

Однако на этот раз он дал нам повод поздравить его (горячо и сердечно!!!) не только с главным юбилеем, но и ещё с одной “круглой” датой, важной в его творческой биографии. В январе 1969 года он впервые стал в строй авторов “Нашего современника”, где и пребывает неизменно и честно в должности наиострейшего критического и исторического “штыка” ровно 40 лет! Рекорд, честное слово, достойный знаменитой книги Гиннеса. А всего с того памятного 69-го года он опубликовал в нашем журнале 68 своих материалов, а 69-й мы печатаем в этом номере, открывающем год 2009-й.

69 статей — ярких, колючих, задорных, — а ещё две книги, изданные тоже стараниями “Нашего современника”. “Православный “Тихий Дон” и “Русско-еврейские разборки” получили широкий отклик в печати, у читателей и неоднократно переиздавались другими издательствами.

Дорогой Сергей Николаевич! Спасибо тебе за верность нашему общему русскому делу, за смелость и упорство в битвах с идейными недругами Отечества! Здоровья тебе и новых творческих удач!

Любящие тебя “современниковцы”

